

А. ЧИЖ, А. СНЕГИРЁВ, Д. ЕМЕЦ,
М. МАТКОВСКИЙ, Д. МАРКИШ, Р. БЕЛЕЦКИЙ,
А. БАРБУХ, М. ГУРЕЕВ и ДРУГИЕ

ТЕСТ НА БЛОНДИНКУ

🐾 РАССКАЗЫ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ 🐾

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т36

Оформление серии *Г. Булгаковой*

Т36 **Тест на блондинку** : [сборник]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. (Радость сердца. Рассказы современных писателей).

ISBN 978-5-699-95919-8

Каждая новая дама Васи — роковая брюнетка. Рыжая стерва всю жизнь мучает влюбленного Колю, а Ване повезло: у него жена шатенка, добрая, верная и заботливая. Петя обожает блондинок — это диагноз!.. Как мучаются мужчины, пытаясь разобраться в ярлыках, которые сами же на женщин навесили, наделив их по цвету волос, как по мастям, определенными качествами! А может, все не так? И на самом деле каждая женщина — это новая вселенная со своим неповторимым набором особенностей? Ответы на все эти вопросы ищите в нашем сборнике рассказов, авторы которых — исключительно мужчины!

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Белецкий Р., 2017
© Матковский М., 2017
© Барбух А., 2017
© Снегирёв А., 2017
© Гуреев М., 2017
© Харченко В., 2017
© Шамордин Н., 2017
© Чиж А., 2017
© Кузнецов Н., 2017
© Маркиш Д., 2017
© Петров С., 2017
© Емец Д., 2017
© Новиков Е., 2017
© Сухарев В., 2017
© Жданов О., 2017
© Ильенков А., 2017
© Бирман Д., 2017
© Романов А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-95919-8

РОДИОН БЕЛЕЦКИЙ

Мне нравятся блондинки

— Мне нравятся блондинки! —
Шепнул поклонник Нинке,
Не зная, что за год она
Три раза перекрашена.

— Мне нравятся брюнетки! —
Шепнул поклонник Светке,
Не зная, что за год она
Три раза перекрашена.

— Мне нравятся шатенки! —
Шепнул поклонник Ленке,
Не зная, что за год она
Три раза перекрашена.

Пример осеннего листа —
Меняет женщина цвета.
А платья и подавно,
Не изменяясь в главном.

МАКСИМ МАТКОВСКИЙ

Только бы не рыженькая!

У деда день рождения. Всё семейство в сборе. Круглая дата. Девяносто лет. Что тут сказать? Дед есть дед, он как дуб, как гора и молния за горою. Руки деда вечно пахнут машинным маслом, пылью и дождём. В свои девяносто он и сплясать может, и анекдот забористый рассказать, и послать кого надо крепко может, если понадобится. Одним словом — дед наша гордость. Стержень семейства.

Дед знает всё. Он и войну прошёл, и писарем в секретном штабе работал, и инженером, и электриком, и на турбазе работал, и таксистом в девяностые приходилось подрабатывать, и в парке аттракционов он работал, и почтальоном, и даже диктором на телевидении. Чего он только не знает, где он только не был.

И землю купил, и дом построил, и за машиной до сих пор собственноручно ухаживает, и скотину в чистоте держит, и сам огородом занимается, и по дому хлопочет: всё у него чинно, ладно. Крепкий хозяйственник, а слово скажет — хоть бери да записывай за ним. Афоризмами говорит.

Бабка от деда не отстаёт. Стол от еды ломится. Учтены все гастрономические предпочтения, приборы разложены в лучших королевских традициях, и салфетки белые под каждой тарелкой, и фужеры, и баранина, и курица, и свинина, свежие овощи с огорода, и картофель в мундирах, и картофель жареный, и икра из баклажанов, хлеб чёрный бородинский, и хлеб кукурузный домашний, и фасоль с луком, и вино у неё на столе.

Семейка наша весёлая собралась полным составом. Шумная весёлая компания. Даже тётка из Парижа приехала — она замуж за престарелого француза выскочила. Вот и он сидит — нос крючковатый, лысый, попивает домашнее сухое из стаканчика и удивлённо на родственников моих глазеет. Старики — дед с бабкой — дают молодым жару. Кричат громче всех за столом. Но громче всех, конечно, дед кричит. И не только потому — что он презирает слуховые аппараты. Счастлив он.

Я был самым молодым, и так уж получилось, что я был ещё и единственным наследником семейства. Род Матковских мог прерваться на мне, а мог и не прерваться, как знать, господи прости. Поймите, всё внимание было приковано не к деду и не к тётке, прибывшей прямиком из Парижа, но ко мне — ведь именно на мне лежала огромная ответственность.

И все переживали из-за меня.

Понять можно.

Ведь женщины у меня как не было, так и нет.

Не знаю, как так получилось.

Давайте, сейчас смейтесь надо мной и кидайте тухлые яйца.

Теперь об этом уже можно говорить: к тридцати годам я оставался девственником.

В наше время стремительных перемен это всё равно, как две головы иметь, или хвост, или рога. Чёрт меня знает, однако всю свою сознательную жизнь женщин я стеснялся. Сторонился.

Что сказать о моих отношениях с женщинами? Так, невинные поцелуи, разговоры ни о чём.

Я мог подставить плечо, чтобы женщина вдоволь выплакалась.

Я мог подставить уши, чтобы женщина вдоволь выговорила.

Я мог разинуть рот и похохотать с женщиной над её не очень смешными шутками.

А если же дело доходило до чего-то более серьёзного, я дико смущался и убегал.

Естественно, когда мы собирались с друзьями и обсуждали любовные похождения, я выдумывал красочные истории, врал с три короба про своих несуществующих бывших, призрачных настоящих и фантомных будущих.

Теперь об этом уже можно говорить: я довольствовался порнографией. И порнография меня удовлетворяла. Точнее, я сам себя удовлетворял. Кидайте уже ваши камни, я вижу — вам не терпится.

Меня пугала ответственность и время, предположительно потраченное мною на отношения. Это же надо каждый день с женщиной куда-то ходить, в кино, в боулинг, слушать её истории, засыпать и просыпаться вместе. А быт? В быту я никчёмен и ужасен! Кому такой нужен? Я даже розетку не могу починить. А вдруг стиральная машина сломается или женщина, упаси бог, захочет какой-нибудь дорогой подарок?

Мне и с самим собой жить душно, чего уж говорить про другого человека. Нет, рядом с собой никого вообразить даже и близко я не мог.

Самое страшное — это дети. Если появится ребёнок — можешь ставить на жизни крест. Пиши — пропало. Купания, пелёнки, врачи, садики, школы... кто-то боится смерти, кто-то боится чудовищ из романов Лавкрафта, кто-то боится облысения — я же боюсь детей. Быть отцом, представлялось мне, всё равно, что в ад попасть, где тебя в котёл с кипящим маслом посадят. Я-то за собой с трудом следить могу, как же за кем-то ещё уследить?

Работа, дом, дом, работа. Ем что попало, пью что попало. По выходным — футбол, глуповатое кино, пиво и преферанс с друзьями.

С другой стороны, плохого-то я ничего не делал: не воровал, не убивал, не насиловал. Всё по закону. Но этого недостаточно.

Итак, семейка крепко выпила, и начались разговоры. Первым спросил дед:

— Ну, как у тебя на любовном фронте? Есть бабёнка?

Все замолчали и на меня уставились.

Я сделал вид, что поперхнулся и закашлялся.

Тётя была безжалостной:

— Я в твоём возрасте уже три раза развелась.

Мама вступилась за меня:

— У него другие дела, ему ещё рано!

Подвыпивший отец сказал:

— Ничего не рано.

Я извинился и вышел в прихожую, где меня подстерегали дальние родственники, чёрт его разберёшь по чьей линии.

Родственники перемигивались, хитро улыбались. Они спросили:

— А может, ты из этих?

— Из каких из этих? — спросил я, прекрасно понимая, о чём речь.

— Ну, из этих, которые задницами вертят! — Они расхохотались, будто только что была произнесена самая смешная шутка в мире.

Я одарил их презрительным взглядом.

И так весь вечер. Передохнуть практически не давали, каждый советовал свою подругу, или дочь подруги, или какую-то там знакомую очень хорошую, и обязательно очень хозяйственную, и непременно очень порядочную девочку, которая безо всяких там сомнений мне подойдёт. Ей богу, все так воодушевились, словно после вечера им деньги заплатят, словно они спор некий заключили.

Дошло уже до того, что они начали представлять моих детей от той или иной особи.

— Нет, дети получатся невысокого роста.

— Нет, с такими носами у ребёнка будет некрасивый нос. Посмотри, какой у него нос большой — и у неё большой, не подходит, значит, ему нужна с ма-

леньким носом, желательно — курносыя. Это уравновесит... Ага!

— Её зовут Женечка, она работает стоматологом, а какие блинчики делает!

— Люда сама шьёт и одежду продаёт, у неё фирма, понимать надо.

— У Наташки красный диплом. Юрист! Что там говорить, полезная профессия.

Причём я не сомневался, что все их разговоры были сплошным бахвальством. Наверняка у обговариваемых девушек есть парни и завязались крепкие отношения.

Они про них говорили так, вроде те сидели у окошка и покорно ждали, когда же я к ним подкачу.

Ага, держи карман шире.

Женить меня собрались на полном серьёзе. Чего уж там — будь я на их месте, тоже бы переживал за себя.

Мне хотелось поскорей уйти, я ёрзал на стуле, виновато улыбался и не мог найти повода.

Мама сказала:

— Посиди ещё немножко, имей совесть. У дедушки день рождения.

Сестра дедушки строго сказала мне:

— Максим! Женю!

И все расхохотались.

А после пиршества, когда я мыл посуду, дед подошёл ко мне и сказал успокаивающим голосом бога:

— Ты просто попробуй с кем-нибудь.

— Я не нравлюсь женщинам, — признался я.

— Чушь, — сказал дед. — Ты культурный, обходительный. Всё получится.

— Ну, дед... — промямлил я.

Он крепко хлопнул меня по плечу, достал вставные челюсти изо рта и подставил их под струю горячей воды.

Вскоре случилось следующее несчастье: у моей соседки умер муж.

Должен заметить, умер он по своей глупости. В собственной смерти виноват только он сам, и, возможно, ещё немного виновата та скотина, что украла люк по улице Черняховского. Сосед возвращался домой ночью со стадиона, где «Динамо» еле-еле свело матч на ничью, и провалился под землю. Естественно, он горлопанил клубные песни, естественно, в нём плескалось не менее пяти литров пива. И вот он провалился под землю, пролетел шесть метров (кто бы мог подумать, что там так глубоко!) и почил.

Что сказать? Был человек — и нет человека. Ты его видел буквально вчера, не мог и подумать, что больше не увидишь его никогда.

Я пытался утешить соседку чем только мог. И деньгами, и молитвой, и сопереживанием.

Она же зачастила ко мне. Приходила, садилась в кресло и беззвучно плакала, вытирая слёзы белым платочком. Я смотрел на её пышные рыжие волосы и представлял пожарища церквей, я представлял пламя геенны огненной, в котором сейчас купается её мужёнок. Дурные мысли, разве эта несчастная женщина заслуживала подобные мысли?

Нет, я её утешал:

— Аня, всё хорошо. Всё будет хорошо.

Я подносил ей чай и заверял, что она всегда может на меня рассчитывать. В любом вопросе.

Она переспрашивала:

— Правда, в любом?

— Да, — уверял я.

Мне приходилось её обнимать, она прижималась ко мне огромной грудью, и я старался изо всех сил, лишь бы не выдать своей эрекции.

Забыл сказать — у неё был сын лет восьми. Пашка.

Аня иногда просила меня забрать его из школы, или к зубному отвести, или на родительское собрание сходить.

Я всё чаще начал бывать у них в гостях. Пашка почему-то сразу невзлюбил меня. Хотя я ему улыбался и сделал пару подарков в виде пластмассового самовала и пластмассового пистолета.

Однажды Аня пришла ко мне вечером с жёлтой рубашкой. Она сказала:

— Я хочу отблагодарить тебя и подарить эту рубашку.

В тот вечер она красиво накружилась, подвела глаза и проделала над своим лицом все эти коварные штучки, которые женщины пускают в ход, чтобы заполучить мужчину.

И, пожалуй, майка приходилась ей слегка тесноватой.

И, пожалуй, она много работала над своими ногами: выглядели они крепкими и стройными. Спортивный зал или домашние упражнения?

Ту рубашку я мигом вспомнил: видел в ней покойного на праздновании Нового года у нашего общего

знакомого дома. Даже лиловое пятно от вина на ней осталось.

— Что это за рубашка? — спросил я Аню, прекрасно зная ответ.

— Купила тебе, — сказала Аня и снова прильнула ко мне грудью.

Боже, да она же была без лифчика, я видел её соски. Дыхание моё участилось, а сердце заметалось в грудной клетке, как бешеная горящая птица.

— У меня много рубашек, — соврал я.

— Пожалуйста, примерь, — сказала Аня.

— Не знаю, мне не нравится жёлтый цвет.

— Ну пожалуйста, тебе идёт жёлтый, я же вижу... так старалась, целый день, тебе подарок выбирала.

Она надула пухлые губки и едва не заплакала. Глаза синие-синие, волосы рыжие-рыжие, цвета планеты Марс из школьного учебника по астрономии.

Она была разбита горем, я не хотел обидеть её, а уж тем более ссориться из-за таких пустяков не хотел. Я стащил майку и надел жёлтую рубашку покойника.

Клянусь, она была будто на меня сшита.

Аня хлопнула в ладоши и сказала:

— Какой ты красивый!

— Спасибо! — ответил я.

От рубашки пахло покойником, пивом и потом рьяного футбольного болельщика.

Аня поцеловала меня в щёку, опасный поцелуй, она едва не коснулась моих губ. Аня сказала:

— Приходи завтра после работы к нам на ужин. Я приготовлю что-нибудь вкусненькое...